

Йокела против Финляндии [Jokela – Finland] (№ 28856/95)

Постановление от 21 мая 2002 г. [вынесено IV секцией]

Факты Заявители являются бенефициариями имущества Тимо Йокела, который владел четырьмя участками земли общей площадью 2,9 гектара, часть из которых была отведена проезду автомобилей. В 1990 году власти, ведающие вопросами эксплуатации дорог, потребовали отчуждения 1,53 гектара земли. Тимо Йокела умер в 1992 году. Рыночная стоимость земли была впоследствии зафиксирована экспертами в 7,50 финских марок за квадратный метр, которые явно не учли три предложения продажи земли в округе на основании того, что продавцы были в состоянии самим диктовать цены, и взяли в расчет цены, уплачиваемые на более широкой территории. Заявителям присудили выплатить примерно 115 000 финских марок. Они направили жалобу, представив доказательства, которые указывали рыночную стоимость земли в размере от 20 до 114 финских марок за квадратный метр. Они также ссылались на двух свидетелей. Однако в сентябре 1994 года Суд по земельным спорам отклонил жалобу, согласившись с экспертной оценкой рыночной стоимости. Между тем, рыночная стоимость четырех участков земли (оцененных в 150 000 финских марок при инвентаризации имущества) была указана налоговыми органами для целей расчета налога на наследство в сумме 600 000 финских марок (около 20 финских марок за квадратный метр). Никакие обоснования этому приведены не были. Жалоба заявителей была отклонена окружным административным судом в сентябре 1995 года, а Верховный суд отказал в праве на подачу жалобы.

Вопросы права По поводу Статьи 1 Протокола №1 к Конвенции. Отчуждение собственности явилось актом лишения имущества, и поэтому должна рассматриваться в контексте второго предложения части 1 Статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, в то время как вмешательство государства в осуществление права собственности, которое представляло собой установление налога на наследство, необходимо рассматривать в контексте части 2 данной нормы. Однако взаимосвязанные фактические и правовые элементы дела препятствуют его классификации исключительно как дела о лишении имущества и как дела, касающегося вопросов налогообложения. Поскольку такие нарушения являются частными примерами вмешательства государства в осуществление права на беспрепятственное пользование своим имуществом, гарантируемое первым предложением части 1 Статьи 1 Протокола №1 к Конвенции, было бы правильным рассмотреть сначала вопрос, были ли две различные формы вмешательства совместимы с данной нормой, и в случае утвердительного ответа, рассмотреть вопрос, соответствовали ли последствия их применения, сказавшиеся на положении заявителей, общему праву на беспрепятственное пользование своим имуществом.

(a) Что касается акта отчуждения имущества, то Европейский Суд признал, что он имел правовые основания и был произведен в общественных интересах. Что касается права на адекватную компенсацию, то не было оснований полагать, что власти произвольно не стали рассматривать доводы, предложенные заявителями в отношении подлежащего применению критерия, и, принимая во внимание широкие пределы усмотрения властей страны в этом вопросе, Европейский Суд пришел к выводу, что компенсация имела обоснованную связь со стоимостью отчужденной земли. Более того, что касается неотъемлемых процессуальных требований Статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, само производство по делу заявителей в суде страны предоставило заявителям разумную возможность разрешить спор в свою пользу. Таким образом, в этом отношении нарушения Конвенции не усматривается.

(b) Что касается налога на наследство, Европейский Суд согласился с тем, что вмешательство государства в осуществление права на беспрепятственное пользование своим имуществом имело правовые основания и служило общественному интересу, а также было в принципе совместимо с властью государства исполнять налоговые законы. Тем не менее, необходимо рассмотреть вопрос о том, возлагала ли рыночная стоимость, определенная для целей взимания налога на наследство, чрезмерное бремя на заявителей, принимая во внимание предыдущую оценку рыночной стоимости отчуждаемых частей. В этой связи следует учитывать тот факт, что местные органы власти и суды в соответствующих делах не зависели друг от друга. Кроме того, стоимость базировалась на уровнях цен, преобладавших в различное время. Что касается пределов усмотрения государства в данном вопросе, то Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не может толковаться так, как будто она требует установления одинаковой рыночной стоимости при рассмотрении разных дел. Принимая во внимание также то, что заявители пользовались всеми правами, вытекающими из состязательной природы системы судопроизводства, в рамках которой разрешался их спор, в вопросе о расчете налога на наследство, взятому отдельно, государство не вышло за рамки своего усмотрения, так что и в этом отношении нарушения Конвенции допущено не было.

(c) Что касается совместных последствий акта отчуждения и расчета налога на наследство, то общее право на беспрепятственное пользование своим имуществом включает ожидание обоснованной согласованности между взаимосвязанными решениями, касающимися одного и того же объекта собственности. Удивительным было то, что рыночная стоимость, установленная для целей расчета налога на наследство была в четыре раза выше, чем стоимость, указанная при инвентаризации, если даже согласиться с тем, что инвентаризационная стоимость была низкой. Более того, обоснование, представленное Административным судом губернии (который вынес свое решение после того, как решение Суда по земельным спорам по поводу рыночной стоимости отчужденной земли вступило в законную силу), не было достаточным для того, чтобы считаться адекватным решением, соответствующим общему принципу уважения собственности. Заявители могли вполне правомерно рассчитывать на разумно согласованный подход органов власти и судов, а в отсутствие такой согласованности они могли рассчитывать на обоснованное объяснение различающимся оценкам стоимости имущества. В данном случае не была проявлена согласованность, равно как не были даны такие объяснения, которые могли бы соответствовать охраняемым законом ожиданиям заявителей. При таких обстоятельствах результат судебного разбирательства был несовместим с требованием об уважении права на беспрепятственное пользование своим имуществом.

Постановление *Вывод:* допущено нарушение Статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (принято единогласно).

По поводу пункта 1 Статьи 6 Конвенции. Что касается предполагаемого неисполнения просьбы заявителей о заслушивании свидетелей, следует учитывать то, что во время всего судебного рассмотрения дела об отчуждении собственности заявители были представлены адвокатом и имели широкие возможности ходатайствовать о проведении допроса свидетелей. Однако не было установлено, что адвокат заявителей ходатайствовал об этом перед судом в недвусмысленной и безоговорочной форме, настаивая на мотивированном решении в случае отказа в ходатайстве.

Постановление *Вывод:* требования пункта 1 Статьи 6 Конвенции не нарушены (принято единогласно).

По поводу нарушения пункта 1 Статьи 6 Конвенции. Что касается отсутствия мотивировки Суда по земельным спорам по вопросу, почему он не обосновал свое решение на доказательствах, представленных заявителями, то не было признаков того, что эксперты или Суд по земельным спорам произвольно уклонились от рассмотрения аргументов, выдвинутых заявителями. При этом требование изложить достаточные мотивы было удовлетворено.

Компенсация Статья 41 Конвенции: Европейский Суд присудил выплатить трем из четырех заявителей по 1600 евро (9513,17 финских марок) в возмещение материального ущерба (четвертый заявитель не был ущемлен в правах налогом на наследство). Он также присудил выплатить им по 1300 евро (7 729,45 финских марок) в возмещение морального ущерба. Суд счел, что признание факта нарушения Конвенции было достаточной и справедливой компенсацией в отношении четвертого заявителя. Наконец, Суд присудил возместить заявителям судебные расходы и издержки.